

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Йон Колфер

Вокруг пальца



Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К60

Eoin Colfer

SCREWED

Copyright © 2013 by Eoin Colfer

Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении суперобложки использованы
иллюстрация *В. Коробейникова*
и фотографии: Samuel Borges Photography, Willyam Bradberry,
Victoria Lipov, ArtFamily / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Колфер, Йон.

К60

Вокруг пальца / Йон Колфер ; [пер. с англ. А. В. Филонова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (DETECTED. Тайна, покорившая мир).

ISBN 978-5-699-92876-7

Детектив-событие от автора всемирно известной серии романов об Артемисе Фауле!

Наконец-то жизнь Дэниела Макэвоя обрела стабильность. После головокружительных приключений бывший солдат, а затем вышибала в маленьком казино в Нью-Джерси стал хозяином этого заведения. Дела идут, денежки капаят, личная жизнь налаживается. Однако в жизни Дэниела белые полосы всегда быстро менялись на черные... Босс местной ирландской мафии считает, что Макэвой задолжал ему по старым делам, и «ненавязчиво» предлагает этот должок отработать. На первый взгляд все просто: Дэниел должен передать пакет с бумагами одному воротилю из Нью-Йорка, затем отвалить — и все в расчете. Особого выбора у Макэвоя нет — бандит угрожает жизни его друзей. Бывший солдат чует подвох, но тем не менее соглашается поработать курьером. А зря...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92876-7

© А. В. Филонов, перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Клойстерс

Округ Эссекс, Нью-Джерси

Великий Элмор Леонард¹ однажды сказал, что нипочем не следует начинать рассказ с погоды. Вольно же мистеру Леонарду говорить, а всем его приспешникам строчить в своих молескиновых блокнотах, но порой рассказ начинается с погоды, и ему начхать, что там рекомендует легенда жанра, даже если это сам Э.Л. Так что если вначале погода, так лучше поставь ее, или окажешься по щиколотку в щепках истории без малейшего понятия, как склеить их обратно.

Так что ждите, что аккурат посреди первой главы разразятся некие серьезные погодные условия, а если под руку подвернутся детишки и животные, их тоже не миновать, и начхать на этого архаичного кинозвездного субъекта с сигарой и прищуренным глазом. Рассказ есть рассказ.

А раз рассказ есть рассказ, давайте его начнем...

Я лежу в кровати с красивой женщиной, наблюдая, как утреннее солнце воспламеняет ее волосы, будто некий электрический нимб, и думая в надесятый раз, что я ближе к счастью, чем когда-либо смогу подо-

¹ Элмор Джон Леонард-младший (1925–2013) — американский писатель и сценарист, мастер криминальной литературы и вестернов. — *Здесь и далее прим. пер.*

браться, и на несколько ступеней ближе, чем заслуживаю после всей той крови, что я вынужден был пролить.

Женщина спит, и это, говоря по правде, лучшее время, чтобы на нее глазеть. Когда София Делано не спит, ей не по нраву, что на нее таращатся. Небрежный взгляд еще ничего, но по истечении пяти секунд визуального контакта ее опасения и фобии вырываются из-под спуда, и вдруг обнаруживаешь, что имеешь дело совсем с иным зверем, особенно если она забыла принять свой литий.

Разнообразные психозы — вовсе не часть натуры Софии. Они вскормлены. Еще будучи девушкой-подростком, София была психологически скультивирована Кармином Делано, своим жестоким супругом, пока не начала выказывать симптомы биполярного аффективного расстройства, шизофрении и деменции, и в этот момент принц Кармин подумал про себя: «Сучка рехнулась» — и купил билет в дальние дали, предоставив своей юной женушке сидеть дома и тосковать. Его же с той поры и след простыл. Ни уха, ни рыла.

А тосковать, как София Делано, не умеет никто. Будь тоска видом искусства, София по этой части — Пикассо. Отвлекается она лишь на то, чтобы изводить жильца этажом ниже, каковым по случаю оказался я. А потом с полгода назад я оказал ей довольно пустяковую услугу по дому — и бац, она уже убеждена, что я ее давно запропастившийся муж, не всплывавший на поверхность два десятка лет. В последний раз София была искренне счастлива, когда впервые пошла на свидание с Кармином в конце восьмидесятых, и потому иголку Софии заело на этом десятилетии. Ее прикид а-ля Мадонна жжет, ее Синди Лопер ошеломляет, но я бы сказал, что над Чакой Хан ей надо еще поработать.

Пару раз мы с ней поладили, но положила руку на сердце дальше этого я пойти не могу. Я знаю, что пары

частенько воображают из себя кого-то других, но если один из партнеров искренне верит в это — наверное, в таком есть нечто противозаконное.

Но поцелуи-то в порядке вещей, правда?

А целоваться — боже, как же она целуется! Будто выпивает сердце из моей груди, а потом вкладывает обратно. А эти глаза? Большие, синие, чересчур подведенные тушью... Ради таких глаз любой мужчина заберется в порожнее брюхо деревянной лошади.

Один раз моя ладонь задела ее сиську, но чисто случайно, честное слово.

Порой мне кажется, что она знает, кто я. Может, вначале я и был Кармином, но теперь... По-моему, забрезжило.

Однако если я так чертовски благороден, как вышло, что я в одной постели с этой заглавленной дамой? Прежде всего, в жопу вас с вашими грязными мыслишками. А во-вторых, я лежу поверх покрывала, а София уютно и безопасно прикорнула под пуховым одеялом. Это единственный раз за полгода, когда я остался, потому что вчера вечером мы разделили бутылку красного, в котором было довольно танинов, чтобы свалить слона, и посмотрели «Амели»¹ — пожалуй, лучший фильм без насилия, какой я когда-либо видел.

Мы много смеялись.

С французским акцентом.

Помнится, я думал: «Вот так бы всегда».

Я обнаружил, что задеть Софию за живое способны пилюли плюс два бокала вина. Тогда я попадаю в фокус, и мы можем наслаждаться кино, как двое влюбленных среднего возраста.

¹ Французская комедия режиссера Жан-Пьера Жене. Далее герой выказывает незаурядное знакомство с кинематографом, так что на случай, если то или иное название покажется вам неизвестным, я буду приводить оригинальное название фильма. Если любопытно, ищите в Интернете.

А я влюблен в нее. Влюблен, как старшеклассник в королеву школьного бала.

Саймон Мориарти, время от времени вправляющий мне мозги со времени моей службы в ирландской армии, говорит, что я одержим чем-то недостижимым, а потому чистым навечно. Да где ему, к черту, знать? Нет на планете парня, способного лежать там же, где я, и не чувствовать, как занимается сердце.

И уж поверьте, София вовсе не *недоступна*. Она по-своему в лепешку расшибается, чтобы стать доступной, с тех самых пор, как мы свели приятельские отношения. Но я не могу сделать этого, и лежание на кровати вместе ничуть такому делу не способствует.

София открывает глаза, и я думаю: «Боже, пожалуйста, признай меня!»

И она говорит с таким придыханием, что прямо мурлычет:

— Эгей, Дэн. Как дела?

Вот оно: идеальный момент, так что я фотографирую его взглядом, прежде чем ответить.

— Просто отлично, — говорю я, и это правда. Любой день, когда я не Кармин, — замечательный день для Д. Макэвоа.

— Почему ты там? — спрашивает она, проводя пальцем по моему лицу, цепляясь ногтем о мою щетину. — Иди сюда, тут тепленько.

Я бы мог. Почему бы и нет? По взаимному согласию и все такое. Но София может в мгновение ока переключиться, и кто я тогда?

Кармин?

Чужак?

А этой девушке не нужны больше ни травмы, ни игры разума.

Так что я говорю:

— Эй, а как насчет того, чтобы я принес тебе кофе?

София вздыхает:

— Дэн, через пару месяцев мне будет сорок. Часы тикают.

Я пытаюсь улыбнуться, но выходит какая-то гримаса, и София проникается ко мне жалостью.

— Ладно, Дэн. Давай кофе.

Она закрывает глаза и потягивается, выгибая спину, и одна длинная нога выскальзывает из-под одеяла.

Я думаю, что, пожалуй, и сам не откажусь от кофе.

* * *

Когда я уйду, она опирается на подушки с чашечкой капучино из пакетика и экземпляром «Карибского круиза»¹, который читала сотню раз, хотя за последние двадцать лет покидала здание считаное число раз. Перед моим уходом мы обмениваемся обещаниями. Я присягаю прийти, когда закончу у себя в казино, чтобы посмотреть «Манон с источника», не принадлежащий к числу моих любимых DVD, а София клянется, что проглотит пилули, которые я оставляю в чашке на ее комод.

Я полон оптимизма, что сегодня могу удостоиться очередного лоскутка рая.

Это может быть началом чего-то хорошего. У Софии голова встанет на место, а я ухвачу пару-тройку слов по-французски. Казино держится на плаву, и никто не пытался убить меня уже полгода. А что лучше всего, не считая пары алкашей, которых пришлось проводить из клуба пинком, мне уже давненько не приходилось причинять никому ничего.

Я очень даже мог бы к этому привыкнуть.

Люди могут умиротвориться. Такое возможно. Я видел их в парках и перед театрами. Господи, да я даже знаком с парочкой умиротворенных людей лично. Может, настал и мой черед...

¹ «Карибский круиз» (англ. Caribbean Cruising) — роман Р. Хоторн.

«Не впадай в счастье, — осадил я себя. — Вселенная не может терпеть счастье долго», — что вряд ли станет заглавием книжки из серии «Помоги себе сам», которая появится на полках магазинов к следующему Рождеству.

Не успеваю я пройти я и пяти кварталов, бдительно высматривая умиротворенных людей, чтобы подкрепить свой аргумент, когда мой сотовый звонит. Я не глядя знаю, что звонит Зебулон Кронски, один из горстки моих друзей. Я знаю это, потому что он самолично установил «Доктор Бит» в исполнении «Майами саунд мэшин» в качестве его персонального звонка.

Эта небольшая деталь много говорит вам о моем друге Зебе. Стоит пять секунд послушать кубино-флоридскую полифонию — и на вас снизойдет прозрение, даже если вы с ним не встречались. Так вот, само собой, Зеб — доктор. Считает себя музыкантом, отсюда и крутой ретромотивчик Майами, а еще ему хватает наглости влезть в чужой телефон и помудрить с настройками. Кому ж такое понравится? Телефон человека — вещь личная, и нефиг в нем колупаться. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь сказал: «Эй, да ты поковырялся с моими обоями. Клево!»

Все это правда; Зебулон Кронски — засранец-хирург-косметолог, считающий себя музыкантом. И познакомься мы при нормальных обстоятельствах, наверное, я бы выскочил из комнаты со сжатыми кулаками, чтобы не вышибить из него дух, но мы познакомились, когда были в силах миротворцев ООН в Ливане во время войны, испытывая давление океанских впадин, так что нас связали узы крови и шрапнели. Порою фронтовой друг — единственное, что помогает пережить мирное время. Тот факт, что мы были по разные стороны Ближнего Востока, погоды не делает, мы оба чересчур стары, чтобы доверять *сторонам*. Сейчас я доверяю людям. Да и то немногим.

И строго говоря, я не был на какой-нибудь стороне. Я был посередке.

Я жду, пока Глория Эстефан закончит такт, а затем вскидываю свой «Айфон».

— Алло, — говорю я, придерживаясь ирландской максимы, что не следует выдавать информацию добровольно.

— Добренькое вам утречко, сержант, — говорит доктор Зебулон Кронски, раздирая мне уши своим *голли-вудским ирландским* акцентом.

— Доброе, Зеб, — отвечаю я уныло и с опаской.

У меня есть армейский дружок, который даже не признает *факт* утра, чтобы это не помогло засечь его позицию.

— Ты практиковался в этом акценте? — осведомляюсь я у него. — Он хорош.

— Правда?

— Нет, неправда, мудила. Акцент настолько скверный, что отдает расизмом.

Этим я наступаю на любимую мозоль, потому что Зебулон только-только начал посещать актерские курсы и воображает себя характерным артистом.

«Со мной чудная штука, — однажды признался он после бутылки чего-то противозаконного из Эверглейдс, то ли содержавшего аллигаторов пенис, то ли нет. — Я вроде как малость Джефф Голдблум, а отчасти этот тип, что Монк. Понимаешь, о чем я? Я однажды был статистом в «Полиция нравов: такой-то гребаный город». Режиссер сказал, что у меня интересное лицо».

Интересное лицо? Ну-ну, браток. Вроде как нормальное лицо сплюснули между двумя полотнами зеркального стекла. Опять же, и мое лицо особых описаний не заслуживает. Угрюмый вид крутого парня впечатывался в него так долго, что так и остался и когда ветер переменился.

Моя *расистская* колкость Зеба не задела, и в ответ он обрушивает сокрушительную новость, не трудясь подсластить ее:

— Миссис Мэдден умерла, Дэн. Мы пребываем в *über*просрации.

Мы с Зебом оба ценим словечко *über*¹, так что в эпоху небрежных «потрясающ» и полной путаницы по поводу терминов «чумово», «ужасно», «жестоко» и «радикально» мы приберегаем *über* для глаголов и существительных, действительно того заслуживающих.

Мое сердце дает сбой, и телефон вдруг кажется тяжелее кирпича. Нечего было мне раздумывать об умиротворении; вот так оно и кончается.

Миссис Мэдден умерла?! Уже?

Это неправильно. Как раз сейчас в моей жизни ни малейшего пространства для маневра. Мои проблемы упакованы плотнее, чем патроны в магазине.

Она не может умереть.

— Херня, — говорю я, но это лишь отсрочка, дающая моему сердцу шанс снова войти в ритм.

— Не херня, ирландец, — возражает Зиб. — Я сказал *über*. А с *über* не выёживаются, это наш код.

Вообще-то я не расстраиваюсь, когда не знакомая мне лично дама, хотя бы и родом из Ирландии, слетает с катушек, но мое собственное благоденствие сильно зависит от того, достаточно ли жива миссис Мэдден, чтобы раз в неделю звонить сыну.

Вот в чем тут штука: Майк Мэдден, возлюбленный сын, — большая рыба в нашем крохотном прудике, а под большой рыбой я подразумеваю самого свирепого жопиного сына-гангстера в нашем тихом городишке. Майк заправляет всей шпаной из клуба «Медное кольцо» на центральной улице Клойстерса. У него где-то с дюжину хулиганов с излишком оружия и дефицитом

¹ *Über* (нем.) — сверх, через, в том числе в качестве приставки.

школьных аттестатов, и все так и рвутся поржать над ирландскими анекдотами Майка и причинить увечья всякому, кто бросит разводной ключ в машину Мэддена. Он и в самом деле смехотворен, этот кельтский хрен липовый с его ойрландскими переливами напрямую с «Тихого человека»¹. В войсках я навидался хлопцев вроде него; полководцы районного масштаба с манией власти, не отличающие кулаков от мозгов, но долго сохранять корону им не удавалось ни разу. Неизменно выносило на поверхность очередного крутого типа с мерзким норовом и АК под кителем. Но Майк здесь, в Клойстерсе, попал в питательную среду, потому что уж больно городишко мелкотравчатый, чтобы хоть какой уважающий себя супостат сунул сюда рыло. Майк не так богат баблом, как прочие боссы, зато и не выбегает на стрелку неделя через вторую. Плюс к тому он может трепать языком с утра до вечера, и никто и шепнуть не посмеет: «Ой, бараться-всраться!»

Никто, кроме меня.

У нас с Майком в прошлом году был междусобойчик по поводу небольших фатальных трений, возникших у меня с его подручником. Зеб был тоже замешан, что пришлось всем участникам против шерсти. В результате я был вынужден попросить одного из своих ирландских сослуживцев изобразить вооруженного до зубов гнома в саду его мамы в Балливалу, только чтобы гарантировать, что мы с Зебом продолжим вдыхать воздух округа Эссекс.

Источая угрозы матери этого типа, я чувствовал, как частичка моей души увядает. Ниже этого я не ползал, но никакого другого способа выпутаться не видел. Каждый день с той поры, как заключил эту сделку, я честно верил, что часть радиоактивных осадков от сделки с дьяволом заключается в том, что

¹ «Тихий человек» (англ. The Quiet Man).

ты перестраиваешься по его образу и подобию. Были времена, когда выставить на кон угрозы матери субъекта было немыслимо ни при каких обстоятельствах, особенно учитывая, через что пришлось пройти моей собственной маме.

«Я бы нипочем не исполнил эту угрозу, — твердил я себе что ни день. — Я не настолько плох».

Может, я сумею выкарабкаться и стать таким же, как был. Может, с Софией, лежащей обок меня в кровати с волосами, подсвеченными нимбом утреннего солнца...

Послушайте меня. Вещаю, прям как Селин Дион на корабле.

Как бы то ни было...

Ирландец Майк Мэдден обещал не выпускать кишки Зебулону и мне лишь до той поры, пока жива его мамочка, а вернее, обещал прикончить нас, как только его мамаша отправится на тот свет. Подоплека, как таковая, не важна. По сути, теперь, когда его мамаша почилла, этот тип Майк привяжет нас с Зебом к бочке со спущенными штанами и полупинтой «Кей-Уай Джелли», трясущейся у него на ладони.

Метафорической смазкой.

Надеюсь.

По поводу этого последнего оборота мнение у меня неоднозначное. Я ощущаю знакомое утомление мозгов, возникающее, когда меня опять швыряет в бурлящий котел боя, но еще я самую крохотку чувствую облегчение, что миссис Мэдден померла и мне не придется ничего предпринимать по этому поводу. Во всяком случае, я надеюсь, что мне не придется ничего предпринимать по этому поводу. Уж лучше позвоню своему гному, когда перепадет минутка, потому что мой бывший сослуживец, приглядывавший за миссис Мэдден, славится своими упредительными ударами. Может, капралу Томми Флетчеру просто осточертело приглядывать за ней.

Я слышу голос Зеба в ухе:

— Йо, парень на букву «Д»? Ты сомлел на тротуаре? Йо? Зеб обожает свою приемную культуру. На прошлой неделе он назвал меня «сююка», и мне пришлось крепенько врезать ему костяшками в лоб.

— Ага. Я здесь. Просто скверные новости малость вышибли меня с рельс.

— Ай, Иисусе. Мы ж еще не кормим червей.

— Так что же случилось с матерью? Естественные причины, а?

Христе-боже, пусть это будут естественные причины!

— Отчасти естественные, — говорит Зеб с баламутающей неопределенностью.

Надобно признаться, я долго считал, что «баламутить» означает нечто другое.

— В каком это смысле отчасти?

— Ну, снег и молния.

— Продолжай. Расскажи, я же знаю, что ты прям помираешь от желания.

— Жаль, у тебя нет «FaceTime». Без видео это трудно оценить по полной.

Зеб уже всерьез задел меня за живое. Мне не следовало недооценивать его актерское мастерство.

— Зеб, очерти же!

— Очертить? Ты что, черненький чумазенький чертенок?

Я ору в динамики телефона:

— Что стряслось с гребаной матерью?!

Я проиграл, а значит, Зеб выиграл.

— Угомонись уж, ирландец. Какого дьявола?

Зеб без ума от игр. Его любимая — дергать за мои ниточки, но у меня и своя игра есть. Армейский психиатр малость просветил меня насчет манипуляций, что вообще-то в плане занятий не стояло, но он подумал, что это может пригодиться, увидев, что я перебираюсь в Нью-Йорк.